

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Киргизия, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

Е. Смолари, Ph.D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Vol. 28, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2023

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altai State University

Editor-in-Chief:

P. K. Dashkovskiy, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, Doctor of Historical Sciences,
academician of the Academy of Sciences
of Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, Doctor of Historical Sciences
(Kazakhstan, Astana)

S. D. Atdaev, Candidate of Historical Sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, Doctor of philosophical Sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, Doctor of Historical Sciences
(Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, Doctor of Historical Sciences
(Kazakhstan, Astana)

A. M. Dossymbaeva, Doctor of Historical Sciences
(Kazakhstan, Astana)

M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, Doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, Doctor of philosophy
(Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Moscow)

A. P. Zabiyo, Doctor of Philosophical Sciences
(Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, Doctor of Historical Sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, Doctor of Philosophical
Sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, Doctor of Philosophical
Sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, Doctor of Philosophical Sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences (Russia,
Kazan)

M. M. Sodnompilova, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), Candidate
of Historical Sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

A. V. Baulo, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Novosibirsk)

L. N. Ermolenko, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, Doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, Doctor of Historical Sciences, Doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, Doctor of philosophical Sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, Doctor of Historical
Sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, Candidate of Historical Sciences
(Russia, Novosibirsk)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No part of this publication may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911. Registration date 07.08.2020.

Editorial office address: 656049, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova St, 66, office 312, Altai State University, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, №1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Захаров С. В., Марыксин Д. В.* Новая находка раннесакского боевого пояса из Восточного Казахстана 7
- Васютин С. А.* Этнокультурные процессы в Среднем Притомье в XI–XII вв. 27
- Шульга Д. П., Шульга П. И.* Некоторые вопросы истории царства Чжуншань 44
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С.* К вопросу о «нестандартной» ориентировке в традициях погребальной обрядности населения Алтая раннескифского времени (по материалам комплекса Карбан-1) 59

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Атдаев С. Дж.* Крепости туркменского племени Теке в XVIII–XIX вв. 74
- Фолиева Т. А.* Антирелигиозные фильмы и борьба с антисемитизмом в 20–30-х гг. XX в. в Советском Союзе 93
- Бахтурина А. Ю.* Эвакуированное чиновничество Царства Польского в политике Временного правительства и большевистского Совнаркома в 1917 г. 103

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Назарова Т. П., Редькина О. Ю.* Гуттерское братство в Российской империи (1770 г. — вторая половина 1870-х гг.): в поиске идеала христианской общины 116
- Пурэвсурэн Ц.* Оценка деятельности религиозных организаций в западном регионе Монголии 129
- Дашковский П. К., Зиберт Н. С.* Деятельность незарегистрированных групп евангельских христиан-баптистов в областных центрах Западной Сибири в конце 1950-х — начале 1960-х гг. (на примере Омска) 141
- ДЛЯ АВТОРОВ** 157

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, №1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Zakharov S. V., Maryxin D. V.* Unearthing East Kazakhstan's Early Saka Combat Belt: A New Archaeological Discovery..... 7
- Vasyutin S. A.* Ethno-cultural processes in the Middle Tom River region in the 11th-12th centuries.....27
- Shulga D. P., Shulga P. I.* Exploring Key Issues in the History of the Zhongshan Kingdom 44
- Seregin N. N., Demin M. A., Radovskiy S. S.* Exploring the Unconventional: Revisiting Altai Funeral Rites during the Early Scythian Era through the Karban-I Complex Materials 59

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Atdaev S. J.* Fortresses of the Turkmen Tekke Tribe in the 18th-19th centuries.....74
- Folieva T. A.* The Role of Anti-Religious Films in Combating Anti-Semitism during the 1920s-1930s in Soviet Union 93
- Bakhturina A. Yu.* Analyzing the Fate of the Evacuated Bureaucracy of the Kingdom of Poland under the Provisional Government and Bolshevik Council of People's Commissars in 1917.....103

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Nazarova T. P., Redkina O. Y.* The Quest for Christian Community: Exploring the Hutter Brotherhood in the Russian Empire (1770 — the Second Half of the 1870s) 116
- Purevsuren Ts.* Exploring the Role of Religious Organizations in Western Mongolia: An Evaluation of Activities.....129
- Dashkovskiy P. K., Zibert N. P.* Unregistered Evangelical Christian-Baptists in Western Siberia: Activities and Challenges in the 1950s-60s, with a Focus on Omsk 141
- FOR AUTHORS**.....157

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902.01/903.22

DOI: 10.14258/nneur(2023)1–01

С. В. Захаров, Д. В. Марыксин

---

*Научно-исследовательская организация ТОО «Археологическая экспертиза»,
Алматы (Казахстан)*

НОВАЯ НАХОДКА РАННЕСАКСКОГО БОЕВОГО ПОЯСА ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Публикуются результаты археологических раскопок и материалы из кургана 3 могильника раннего железного века Объект № 6 в Восточном Казахстане. Из восточного погребения кургана 3 происходит раннесакский бронзовый поясной набор.

Обнаружение новых сакских поясных наборов позволяет развивать, трансформировать и детализировать их имеющуюся типологию. Поиск аналогий поясным бляхам-обоймам из восточного погребения кургана 3 могильника Объект № 6 выявил серию из пяти известных нам поясных наборов, морфологически и технологически идентичных либо близких, реализованных в разных по ценности и престижности материалах (бронза, серебро, золото).

Это позволило группе X-образных поясных обойм разделить на две самостоятельные группы поясов с бляхами-обоймами: 1) пояса с непрорезными и прорезными X-образными бляхами-обоймами с фигурным контуром и узким перекрестием, с петлями и без петель (восточное погребение кургана 3 могильника Объект № 6, курган у села Пьяный Яр, погребение между селами Вавилонка и Заречное, курган 5 могильника Талды-II (все — Казахстан), курган 1 могильника Кара-Чоога 3, могила 9 кургана Чинге-Тей I (Тува, Россия) и 2) пояса с прорезными бляхами-обоймами с классическим X-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием (в частности, курган 1 могильника Тасмола II, курган 2 могильника Алыпкаш, курган № 8 могильника Байке-2, погребение № 2 в кургане № 4а могильника Аксуат-I (все — Казахстан), могила 3 кургана Чинге-Тей I (Тува, Россия).

Ряд аналогий материалам восточного погребения кургана 3 позволяет датировать время бытования непрорезных X-образных блях-обойм с фигурным контуром и уз-

---

ким перекрестием в целом, а также само погребение, VII–VI вв. до н. э. Нельзя исключать и более узкую дату — конец VII-начало/середина VI в. до н. э.

Ключевые слова: Восточный и Центральный Казахстан, Тува, раннесакское время, погребение, курган, могильник, наборный пояс, поясные пряжки, бляхи-обоймы, наконечник пояса, типология.

Цитирование статьи:

Захаров С. В., Марыксин Д. В. Новая находка раннесакского боевого пояса из Восточного Казахстана // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. № 1. С. 7–26.

DOI: 10.14258/nreur(2023)1–01.

S. V. Zakharov, D. V. Maryxin

Scientific research organization “Archaeological Expertise” LLP, Almaty, Kazakhstan

A NEW FIND OF THE EARLY SAKA COMBAT BELT FROM EAST KAZAKHSTAN

The publication presents the results of archaeological excavations and materials found in burial mound 3 of Object No. 6, located in East Kazakhstan during the Early Iron Age. Among the discoveries was an Early Saxon bronze belt set, which has expanded the existing typology and provided new insights into the culture of the region. The excavation also revealed a series of five belt sets with similar morphology and technology, but made from different materials such as bronze, silver, and gold. These belt sets were classified into two independent groups based on their clip plates. The first group consists of belts with non-cut and slotted X-shaped clip plates with a curly contour and narrow crosshair, with loops and without loops. This group includes the eastern burial of mound 3 of Object No. 6, the burial mound near the village of Pyaniy Yar, burial between the villages of Vavilonka and Zarechnoye, burial mound 5 of the Taldy-II burial mound in Kazakhstan, and grave 9 of the Chinge-Tey I burial mound in Tuva, Russia. The second group includes belts with slotted clip plates with a classic X-shaped contour and an expanded ring-shaped crosshair, found in mound 1 of the Tasmola II burial ground, mound 2 of the Alypkash burial ground, mound No. 8 of the Bayke-2 burial ground, burial No. 2 in burial mound No. 4a of the Aksuat-I burial ground in Kazakhstan, and grave 3 of the Ching-Tei I funeral and memorial complex in Tuva, Russia. The presence of similar materials in the eastern burial of mound 3 allowed researchers to date the non-cut “X-shaped” clips with a curly contour and narrow crosshair, as well as the burial itself, to the VII–VI centuries BC. However, it is also possible that the date is narrower, ranging from the end of the VII to the beginning or middle of the VI century BC.

Keywords: Eastern and Central Kazakhstan, Tuva, Early Saka time, burial, burial mound, burial ground, typesetting belt, belt buckles, clip plates, belt tip, typology.

For citation:

Zakharov S. V., Maryxin D. V. A New find of the early Saka combat belt from East Kazakhstan. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. 28 (1). P. 7–26.
DOI: 10.14258/nreur(2023)1–01.

Захаров Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, исполнительный директор научно-исследовательской организации ТОО «Археологическая экспертиза», Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: zaharov_sv_69@mail.ru.

Марыксин Денис Валерьевич, научный сотрудник научно-исследовательской организации ТОО «Археологическая экспертиза», Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: maryxin@mail.ru.

Zakharov Sergey Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, executive director, Research Organization “Archaeological Expertise” LLP, Almaty (Kazakhstan). Contact address: zaharov_sv_69@mail.ru.

Maryxin Denis Valerievich, research associate, Research Organization “Archaeological Expertise” LLP, Almaty (Kazakhstan). Contact address: maryxin@mail.ru.

Введение

Одним из важных компонентов воинского снаряжения в раннесакскую (раннескифскую) эпоху был наборный пояс из кожи с закрепленными на нем украшениями в виде металлических блях. На определенном этапе исследования поясных наборов кочевников Азии была осуществлена их типология, в том числе раннесакских/раннескифских [Добжанский, 1990: 21].

Постепенно открываются и вводятся в научный оборот новые поясные наборы либо их фрагменты, что позволяет уточнить характеристики наборных поясов, их типологию и структуру. Отдельные исследователи вносят свои предложения по детализации либо группировке поясных наборов [Боталов, Таиров, 1996: 131; Кариев, Оралбай, 2013].

Представляется, что поскольку в количественном отношении поясов на сегодняшний день выявлено немного, представлены они разнообразными по форме и оформлению обоями, наборы которых часто имеются в единичных экземплярах, то типологию раннесакских поясных наборов с расширением круга источников и в дальнейшем будут развивать, трансформировать и детализировать. В частности, полный поясной набор, хотя и плохой сохранности, выявлен экспедицией ТОО «Археологическая экспертиза» в 2020 г. в ходе раскопок раннесакских курганов в Восточно-Казахстанской области. Его публикация и анализ позволят не только расширить источниковую базу вопроса, но и продвинуться в решении вопросов типологии и классификации наборных раннесакских поясов, а также иных вопросов раннесакской эпохи.

Материалы и методы

В июне-октябре 2020 г. археологической экспедицией ТОО «Археологическая экспертиза» проведены исследования ряда курганных могильников, курганных групп и одиночных курганов, расположенных на территории Восточно-Казахстанской обла-

---

сти, вдоль республиканской трассы Алматы — Усть-Каменогорск. В том числе археологические раскопки были проведены на курганном могильнике, получившем обозначение как Объект № 6, согласно отчету по итогам исследований [Научный отчет № AR-11/243–20, 2021]. Памятник располагался на 725 км республиканской трассы Алматы — Усть-Каменогорск (рис. 1), с западной стороны от дороги и в 700 м западнее гор Конурчаулы. Курганы непосредственно располагались на участке второй надпойменной террасы реки Коксу.

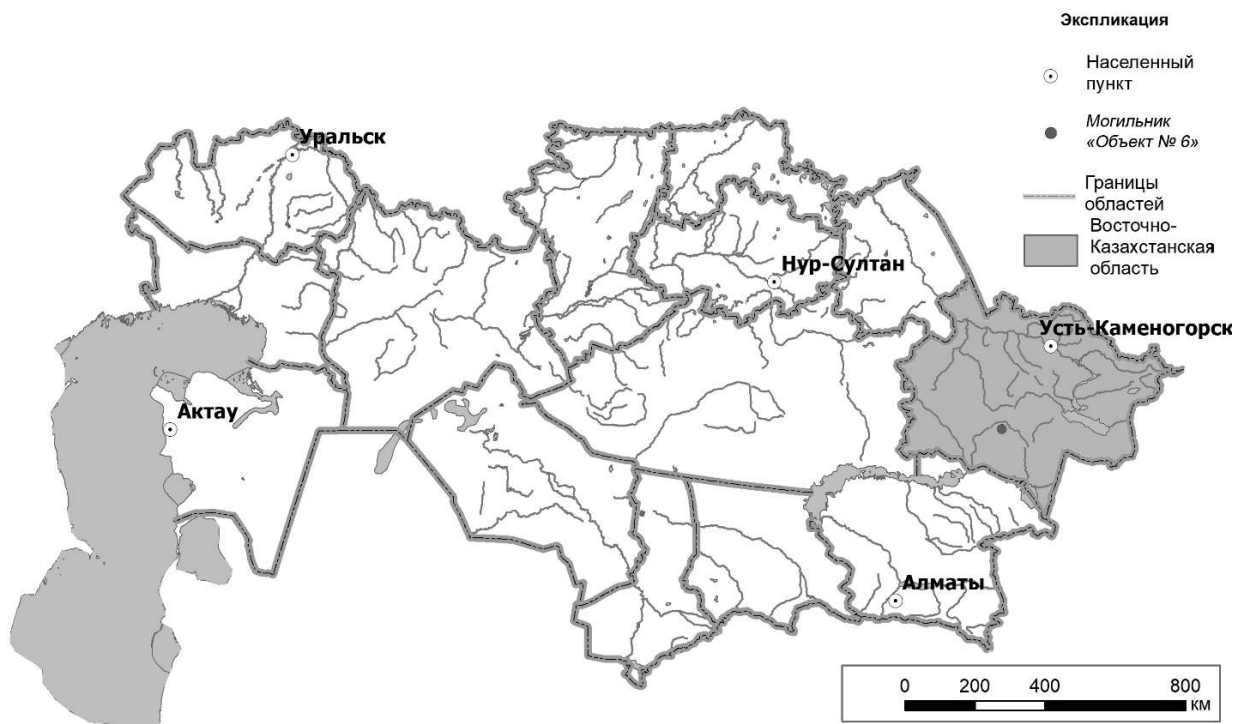

Рис. 1. Могильник Объект № 6 на карте Казахстана (чертеж О. П. Кузнецовой)

Fig. 1. Burial ground Object No. 6 on the map of Kazakhstan (drawing by O. P. Kuznetsova)

Могильник раннего железного века Объект № 6 на момент раскопок состоял из 6 курганов, расположенных полосой по линии юго-запад — северо-восток. Насыпи курганов сложены из грунта с включениями камней средней и мелкой фракций для каменных конструкций в насыпях и перекрытий погребений. Наиболее крупным в могильнике являлся самый восточный курган (курган № 6), имевший в диаметре 14 м. Все курганы могильника оказались разграбленными подчистую еще в древности, за исключением кургана № 3, в котором от грабителей уцелело одно из двух подбойных погребений, давшее интересный материал раннесакского времени.

Курган 3 (рис. 2) располагался в восточной части могильника. Диаметр кургана составлял 13 м, высота — 0,17 м. Насыпь кургана состояла из грунтовой основы, на поверхности которой фиксировался колотый камень средней и мелкой фракций, от серого до темно-коричневого оттенков. Насыпь кургана была хорошо задернована и покрыта растительностью ковыльно-полынного типа. Насыпь опоясывала каменная крепиды внешним диаметром в 10 м, высотой — 0,10–0,15 м. Ширина крепиды достигала

1,5 м. Крепида по всей окружности имеет приподнятую центральную часть и более пологую внешнюю сторону. По центру кургана находился провал шириной 90 см и глубиной до 70 см, по всей видимости, от грабительского лаза.

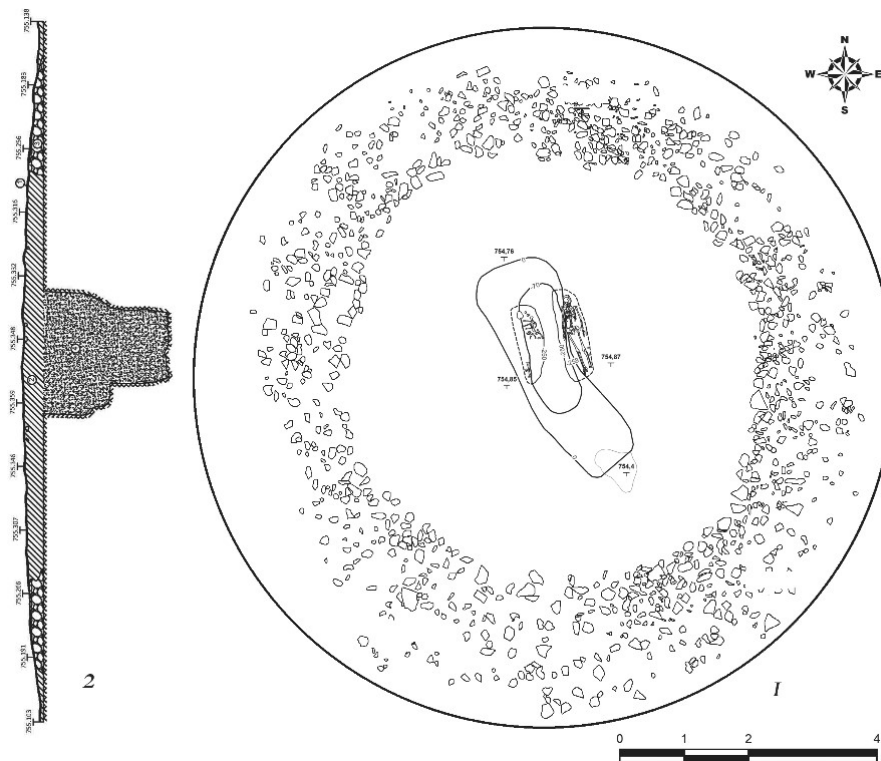

Рис. 2. План (1) и стратиграфический разрез (2) кургана 3
Fig. 2. Plan (1) and stratigraphic section (2) of mound 3

Могильная яма располагалась в центре подкурганной площадки (рис. 2.-1). На этом уровне она имела деформированные грабительским лазом вид, размеры и пропорции, с длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. Контуры ямы имели неправильные подпрямоугольно-овальные очертания с изгибом в средней части и небольшим расширением в северо-западном крае. Максимальные размеры контура ямы на уровне подкурганной площадки — 3,8×1,4 м. К отметке 0,8 м от поверхности подкурганной площадки длина ямы сократилась с северо-западной и юго-восточной сторон до 2,0 м (до первоначальной), ширина ямы уменьшилась незначительно, а размер и контур могильной ямы приблизились к изначальным. Могильная яма приобрела узкую подовальную форму с прямыми длинными сторонами. Как стало ясно после окончательной расчистки, это оказалась щелевидная входная яма двух подбойных погребений (рис. 3.-1–3).

Начиная с отметки 0,55 м от поверхности подкурганной площадки до самого дна входной ямы грунтовое заполнение входа в могильную яму перемежалось слоями скоплений камня и каменных закладов из бутового камня и небольших плит. Всего было расчищено и разобрано пять ярусов таких скоплений и закладов входа в могильную яму. Причем по мере продвижения вниз размеры камней с каждым ярусом увеличивались.

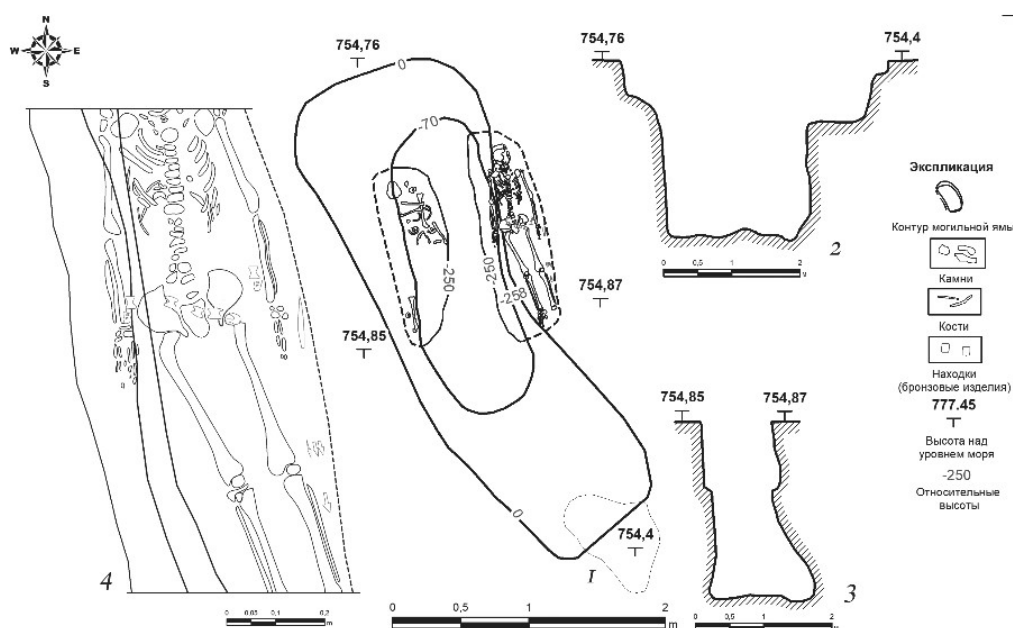

Рис. 3. Погребение в кургане 3: 1 – план могильной ямы и погребения; 2 – продольный разрез могильной ямы; 3 – поперечный разрез могильной ямы; 4 – план расположения сопроводительного инвентаря в северо-восточном подбое
 Fig. 3. Burial in the burial mound 3: 1 – plan of the grave pit and burial; 2 – longitudinal section of the grave pit; 3 – transverse section of the grave pit; 4 – plan of the location of the accompanying inventory in the north-eastern lining

В придонной части ямы, у ее западной стенки, в грунте, представлявшем собой супесь коричневого цвета с включениями щебня, было обнаружено скопление костей и фрагментов костей человека. В западной стенке ямы, в ее придонной части, был выявлен первый, западный, подбой длиной 1,4 м по дну могильной ямы, высотой 0,4 м и глубиной до 0,40 м. В этом подбое было обнаружено скопление многочисленных костей и фрагментов костей (56 единиц) детского погребения, в том числе череп, лежащий на теменной части глазницами на запад. Кости и их фрагменты лежали в плотном скоплении, но разрозненно. Это детское погребение было полностью разграблено, сопроводительного инвентаря при нем обнаружено не было.

После разбора каменных плит самого нижнего, пятого, каменного заклада, устроенного вдоль восточной стенки ямы, в ней был открыт второй, восточный, подбой длиной 1,85 м, высотой 0,9 м и глубиной до 0,75 м. С учетом подбоев окончательные размеры могильной ямы на уровне ее дна, на отметке 2,4 м от уровня подкурганной площадки, составили 2,0×1,6 м.

В восточном подбое лежал вытянуто на спине, в направлении с юго-востока на северо-запад, головой на северо-запад, полный скелет погребенного. Череп был развернут вправо, на запад, нижней челюстью опираясь на скелет груди. Кости рук вытянуты вдоль тела, ладонями вниз. Фаланги пальцев правой руки вытянуты, левой руки — смещены ниже к коленному суставу и разрознены. Кости ног также залегали вытяну-

то, параллельно друг другу. Стопа правой ноги развернута во внешнюю сторону, на запад. Кости стопы левой ноги смещены норой суслика. Сохранность костей скелета в целом плохая (рис. 3).

В области костей таза погребенного, поверх и по сторонам от них, при расчистке погребения было обнаружено 8 бронзовых предметов поясного набора (рис. 3.-4), на которых (в области костей таза погребенного) остались следы органики и плохо сохранившиеся фрагменты кожаного ремня.

Металлические детали поясного набора представлены пятью одинаковыми поясными бляхами-обоймами, наконечником-обоймой и двумя одинаковыми пряжками для крепления предметов вооружения к поясу.

Все обнаруженные металлические детали набора размещались на передней, лицевой стороне пояса, были по ней распределены хотя и неравномерно, но в определенном порядке. Две бляхи-обоймы из пяти располагались строго по бокам тела, на уровне верхней $\frac{1}{4}$ тазовых костей, между тазовыми костями и костями предплечий, в том месте, где ремень пояса начинал заходить на переднюю часть туловища. Поэтому эти крайние бляхи залегали горизонтально, плашмя, лицевой стороной вверх. Позади каждой из этих пряжек, в районе боков погребенного, залегало по одной с каждой стороны пряжки для подвешивания предметов вооружения. Правая пряжка залегала на боковой грани, располагалась ниже по телу и ниже нижней линии бляхи-обоймы, между тазовой костью и эпифизом лучевой кости, ближе к запястью. Левая пряжка залегала также позади левой боковой бляхи-обоймы, но плашмя, тыльной стороной вниз. Она располагалась непосредственно у среднего отдела костей левого предплечья. Обе пряжки располагались вертикально, перпендикулярно поясу, отверстиями и перемычками для крепления ремня вверх, а наверхиями в виде голов грифонов с клювами — вниз.

Остальные три бляхи обоймы залегали с небольшими разрывами между ними по одной косою линии, через область паха, в направлении от верхней части правой тазовой кости к головке верхнего эпифиза левой бедренной кости. Эта линия из трех блях обойм завершалась обоймой наконечника ремня, лежавшей на шейке верхнего эпифиза левой бедренной кости.

Положение металлических деталей поясного набора *in situ* позволяет точно восстановить размещение их на поясе (рис. 4), функциональное и декоративное назначение, а также в общих чертах расположение самого пояса.

В 7 см восточнее кисти левой руки погребенного был обнаружен бронзовый нож, лежащий острием на север (практически параллельно погребенному). Рядом с ним и под ним залегали фрагменты истлевшего кожаного изделия, возможно, ножен или чехла для ножа. Левее и чуть выше коленного сустава левой ноги было обнаружено скопление из трех наконечников стрел разных типов, чуть ниже коленного сустава — один черешковый наконечник стрелы (рис. 3–4). Все наконечники залегали с остатками древков и нитей (жгутов) обмотки. В области скопления наконечников также обнаружены фрагменты кожи, вероятно, колчана.

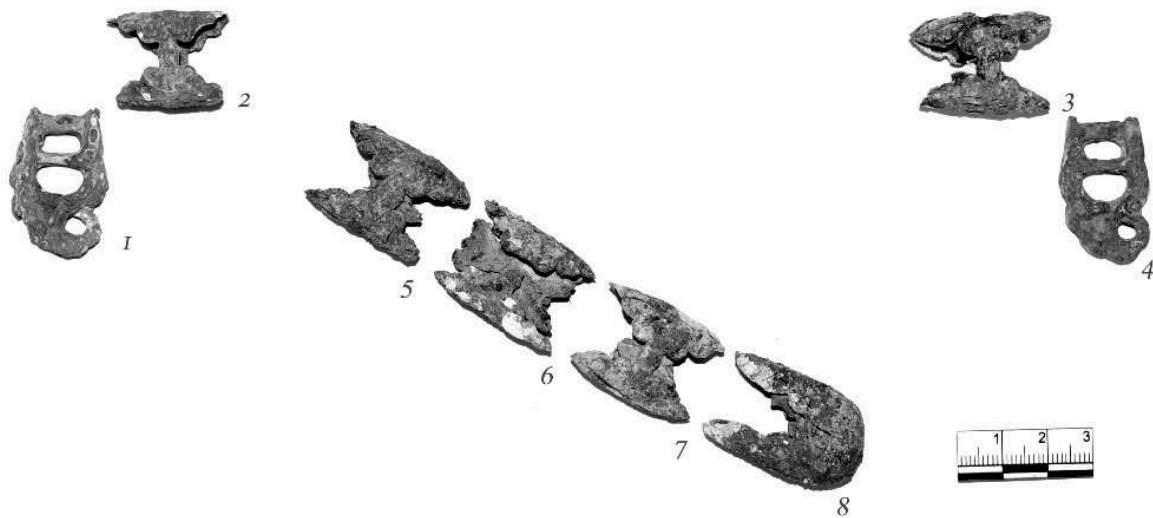

Рис. 4. Фотосхема расположения деталей поясного набора in city:

1, 4 – пряжки для подвешивания предметов вооружения; 2, 3, 5–7 – бляхи-обоймы;
8 – наконечник обойма пояса (фото С. В. Захарова)

Fig. 4. Photoscheme of the location of the details of the belt set in city: 1, 4 – buckles for hanging weapons items; 2, 3, 5–7 – clip plates; 8 – tip of the belt clip (photo by S. V. Zakharov)

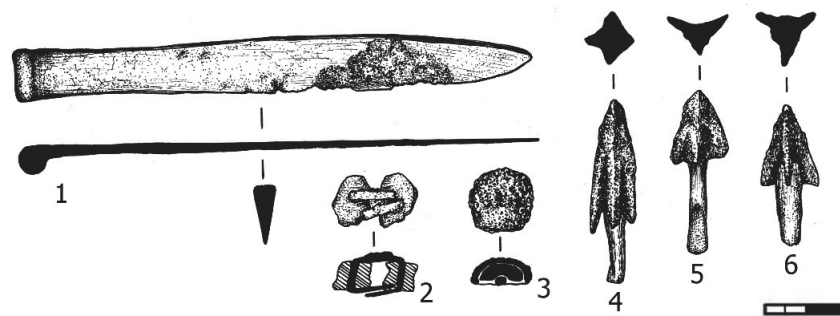

Рис. 5. Сопроводительный инвентарь восточного погребения в кургане 3 могильника
Объект № 6: 1 – бронзовый нож; 2 – бронзовая заклепка с фрагментами кожи;
3 – бронзовая бляшка с фрагментом кожи; 4–6 бронзовые наконечники стрел
(прорисовка А. В. Кузьминовой)

Fig. 5. The accompanying inventory of the eastern burial in the burial mound 3 of the burial ground
Object No. 6: 1 – bronze knife; 2 – bronze rivet with fragments of leather; 3 – bronze plaque with
a fragment of leather; 4–6 bronze arrowheads (drawing by A. V. Kuzminova)

Описание сопроводительного инвентаря (рис. 5):

- бронзовый нож без упора (рис. 5.-1) размерами 124×9,8×4,2 мм. Нож имеет плоскую вытянутую форму с округлыми ребрами рукояти. Клинок ножа в сечении треугольный, в средней части лезвие повреждено окислами. Обушок клинка плоский, широкий, имеет слабый дугообразный профиль. Клинок по обуху и лезвию плавно переходит в более узкую рукоять, по толщине лишь немного превышающую клинок. Можно сказать, что толщина изделия плавно уменьшается от пятки рукояти ножа к его острию. Клинок по обушку и лезвию почти равномерно

- сужается к острию. Навершие сформировано загибом с закруглением торцевой части рукояти в правую сторону, в виде вертикального валика диаметром 6 мм с правой стороны торцевой части рукояти;
- два черешковых трехлопастных наконечника стрел с короткой головкой и удлиненным черешком, с уплощением и расширением на конце черешка (рис. 5.-5). Наконечники имеют по три одинаковых лопасти, шипы лопастей скруглены. Длина изделий 38,5 мм, ширина лопастей 5,3 мм, длина черешков 20 мм;
  - втульчатый трехлопастной наконечник стрелы на высокой наружной втулке с выступающим из втулки остатком древка (рис. 5.-6). Наконечник имеет три одинаковые лопасти со слегка свисающими шипами. Длина изделия 32,2 мм, ширина лопасти 4,5 мм, длина втулки 14 мм, внутренний диаметр втулки 4 мм;
  - втульчатый четырехгранный наконечник стрелы с внутренней втулкой (рис. 5.-4). Наконечник имеет четыре одинаковые грани, головка в сечении подквадратная. В хвостовой части граней имеются глубокие вырезы, формирующие острые свисающие шипы. Из втулки выступает остаток древка. Длина изделия 27,4 мм, ширина — 7,6 мм, диаметр втулки 4,6 мм;
  - медная скоба с фрагментами кожаного изделия (рис. 5, 2). Длина изделия 13,4 мм, ширина — 3 мм. Медная скоба вставлена в отверстия в коже, ее концы загнуты внутрь, тем самым скрепляя два фрагмента (части) кожаного изделия;
  - медная выпуклая бляшка полусферической формы с внутренней перемычкой для крепления (рис. 5.-3). Диаметр 15 мм. С тыльной стороны бляшки, между внутренней поверхностью бляшки и перемычкой для крепления, сохранился фрагмент кожи;
  - поясной набор из бронзовых деталей (рис. 6.1, 4). Состоит из восьми деталей — двух орнаментированных пряжек, оформленных в зверином стиле, пяти бляш-обойм фигурной формы и одного наконечника-обоймы ремня. Пряжки, оформленные в зверином стиле, имеют подпрямоугольную форму с фигурным контуром нижней части, образованным изображением головы и клюва грифона. В центральной части каждой пряжки имеется относительно большое поперечное овальное отверстие, очевидно, декоративного назначения или для подвешивания к пряжке предмета вооружения, как это можно проследить по аналогии с золотыми пряжками от ремня горита из основного погребения (скелет 1) в могиле 5 кургана Аржан-2, также украшенными изображениями грифонов [Чугунов и др., 2017: 368, табл. 30, 5–7; 389, табл. 51, 4] (рис. 6.-3).

Над этим отверстием в верхней части обеих пряжек имеется по также поперечному, но немногим меньшему овальному отверстию и по перемычке для крепления пряжек к ремням. Причем по краям перемычек отмечены невысокие выступы для ограничения подвижности ремешка по горизонтали, такие же, как и у упомянутых выше пряжек из кургана Аржан-2. Нижние части пряжек оформлены литыми изображениями грифонов, внутри изгибов клювов которых сформировано по одному круглому отверстию, смещенному от центральной линии пряжек. Размеры пряжек — 31×20×2,7 мм. Если бы не парность описываемых пряжек и надежно зафиксированное их изначальное месторасположение, каждую из них легко можно было типологически отнести к пряжкам-застежкам наборного пояса.

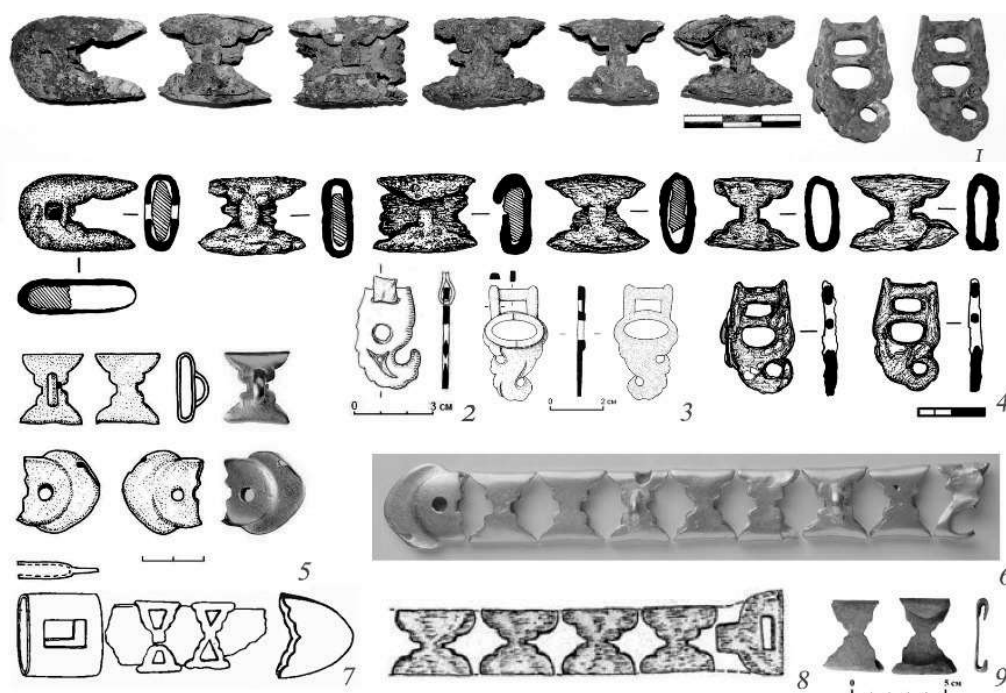

Рис. 6. Поясные наборы с непрорезными Х-образными бляхами-обоймами с фигурным контуром и узким перекрестием и пряжки: 1, 4 – восточное погребение кургана 3 могильника Объект № 6 (фото С. В. Захарова, прорисовка А. В. Кузьминовой); 2 – могила 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I [Чугунов, 2016: 343, рис. 168, 7]; 3 – могила 5 кургана Аржан-2 [Чугунов и др., 2017: 368, табл. 30, 5]; 5, 6 – курган 5 могильника Талды-II [Бейсенов, 2014: 136, 137; Бейсенов, 2018: 85, рис. 11]; 7 – погребение между селами Вавилонка и Заречное на р. Уде [Киселев, 1951: 299, табл. XXIX, 7]; 8 – курган у села Пьяный Яр Новошультинского (Бородулихинского) района Семипалатинской (Восточно-Казахстанской) области [Алешин и др., 1992: 250, рис. 1]; 9 – курган 1 могильника Кара-Чоога 3 [Килуновская и др., 2015: 208, рис. 25, 3]

Fig. 6. Belt sets with non-cut X-shaped clip plates with a curly contour and a narrow crosshair and buckles: 1, 4 – eastern burial of the burial mound 3 of the burial ground Object No. 6 (photo by S. V. Zakharova, drawing by A. V. Kuzminova); 2 – grave 3 of the funeral and memorial complex of Ching-Tei I [Chugunov, 2016; 343. Fig. 168, 7]; 3 – grave 5 of the mound Arzhan-2 [Chugunov et al., 2017: 368. Table. 30, 5]; 5, 6 – burial mound 5 of the Taldy-II burial ground [Beisenov, 2014: 136. Photo on page 137; Beisenov, 2018: 85. Fig. 11]; 7 – burial between the villages of Vavilonka and Zarechnoye on the river Ude [Kisselyov, 1951: 299. Table. XXIX, 7]; 8 – burial mound near the village of Pyany Yar of the Novoshulbinsky (Borodulikhinsky) district of Semipalatinsk (East Kazakhstan) region [Aleshin et al., 1992: 250. Fig. 1]; 9 – burial mound 1 of the Kara-Chooga burial ground 3 [Kilunovskaya et al., 2015: 208. Fig. 25, 3]

Бляхи-обоймы имеют фигурную форму, выполнены в форме пронизей для нанизывания на кожаную основу пояса, фрагменты которой сохранились в просветах обойм. Обычно такую форму поясных блях именуют Х-образной по характерному контуру. Напоминает обращенные вершинами друг к другу прямоугольные ступенчатые бордюры андроновской орнаментации керамических сосудов, но со слегка заovalенными угла-

ми ступеней. Бляхи двусторонние, с зеркальным отражением лицевой части на обратной стороне изделия; непрорезные, с цельной поверхностью; овальной формы в вертикальном разрезе. На лицевой и на тыльной стороне блях петли отсутствуют, видимо, ввиду наличия специальных пряжек для подвешивания предметов вооружения и амуниции. Размер блях — 29,3×22,7×9,8 мм.

Обойма-наконечник имеет сложную фигурную форму. Головка наконечника плоская, с овальным наружным краем, с подквадратным сквозным отверстием размером 5×5 мм в центральной части. Хвостовая часть наконечника стилизована под форму блях-обойм и выполнена в виде вертикальной половины бляхи, но слегка удлиненной в горизонтальной проекции. Размер изделия 35,6×22×9,6 мм. Во внутренней части обоймы также сохранился фрагмент кожаного ремня.

Все бронзовые детали поясного набора в сильной степени подвержены коррозии, их поверхность покрыта глубокими трещинами, что делает изделия хрупкими.

Судя по плотному расположению трех блях-обойм и наконечника-обоймы в области паха наискосок, вплоть до шейки верхнего эпифиза бедренной кости, наконечник не был элементом застежки пояса и не выполнял функцию его застегивания, а отверстие в наконечнике, соответственно, не было предназначено для фиксации в нем крюка или язычка. Вероятнее всего, это отверстие служило для закрепления наконечника бляхи на ремне шпеньком, возможно, из органического материала. Ввиду отсутствия в непотревоженном поясном наборе элементов застегивания пояса, места отклонения полосы из наконечника и трех блях-обойм от предполагаемой оси пояса можно предполагать, что в области талии он завязывался или подвязывался у правого бока с передней стороны.

Обсуждение

По мнению В. Н. Добжанского, раннескифские (раннесакские) пояса отличает отсутствие на бляхах изображений в зверином стиле, что позволило автору классификации выделить их в отдельный тип (тип I) — пояса с бляхами-обоймами. По его мнению, такие пояса были характерным явлением раннескифской эпохи, бытовали в VII–VI вв. до н. э., доживая до V в. до н. э. [Добжанский, 1990: 21].

С. Г. Боталов и А. Д. Таиров выделяют в этом типе две группы: пояса с металлическими обоймами прямоугольной формы с различным оформлением лицевой поверхности, гладкой или прорезной оборотной стороной, одной или двумя петлями или петлевидными выступами и пояса с металлическими фигурными X-образными цельными или прорезными обоймами [Боталов, Таиров, 1996: 131]. Е. М. Кариев и Е. К. Оралбай к X-образным относят как непрорезные, так и прорезные бляхи-обоймы с X-образным контуром, в том числе и накладки из погребения № 2 в кургане № 4а могильника Аксуат-I [Кариев, Оралбай, 2013: 51, рис. 1].

Практически идентичны публикуемые нами поясные обоймы (восточное погребение кургана 3 могильника Объект № 6) происходящим из самовольных раскопок кургана у села Пьяный Яр Новошувльбинского (Бородулихинского) района Семипалатинской (Восточно-Казахстанской) области и неполным комплектом, переданным археологам [Алехин и др., 1992: 128; 250, рис. 1] (рис. 6.-8).

Напомним, что авторам публикации этих находок были переданы пять серебряных блях-обойм с серебряной же пряжкой. Причем сообщалось, что из погребения происходило еще около 25 серебряных обойм, которые были утрачены. В общей сложности пояс состоял примерно из 30 серебряных обойм, что делает его богатым не только по материалу изготовления, но и по площади покрытия наборного пояса металлическими украшениями. Мы не знаем, какой формы были утраченные обоймы. Но у опубликованных пяти экземпляров мы также видим тяжеловесность горизонтальных пропорций, отличающие и наш экземпляр, симметрию и парность контурообразующих выступов у Х-образной формы изделий, отсутствие отверстий и прорезей на плоскостях, овальную форму вертикального сечения обойм. Отличаются новошувльбинские массивностью верхних и нижних половинок, низкой по высоте и более широкой перемычкой между ними. Также у новошувльбинского поясного набора иной формы наконечник пояса.

Бляхи-обоймы из восточного погребения кургана 3 могильника Объект № 6 близки выполненным из золота и прекрасно сохранившимся бляхам-обоймам из кургана 5 могильника Талды-II [Бейсенов, 2014: 136, 137; Бейсенов, 2018: 85, рис. 11], представленных восемью экземплярами, не считая наконечника ремня (рис. 6.–5, 6). Сближает их как общая форма, так и выделяющаяся в структуре Х-образного контура симметрия и парность контурообразующих выступов.

Нужно признать, что по схожей функциональной схеме использования изготовлены у обоих поясов и обоймы наконечников. Несмотря на то, что у восточноказахстанского наконечника нет плоского выступа, окаймляющего переднюю торцевую часть наконечника, а у талдинского — нет удлиненных выступов в хвостовой части наконечника, само тело наконечников идентично по месту расположения центрального круглого отверстия на лицевой стороне наконечника и форме боковой выемки по центру хвостовой части наконечника. С нашей точки зрения, эта выемка гармонирует с оформлением узкой перемычки (перекрестия) между верхней и нижней частями Х-образной бляхи-обоймы. Хвостовая часть талдинского наконечника также сформована под контур бляхи. Отличает поясные наборы друг от друга, помимо материала изготовления, вертикальность пропорций талдинских обойм и наличие у части из них петель.

В свою очередь, талдинским бляхам-обоймам по форме практически идентична бляха-обойма из кургана 1 могильника Кара-Чоога 3 в Туве, выполненная из бронзы [Килуновская и др., 2015; 208, рис. 25, 3] (рис. 6.-9).

Схожие вышеописанным по характерному фигурному Х-образному контуру бляхи-обоймы происходят от пояса из погребения между селами Вавилонка и Заречное на р. Уде к востоку от Семипалатинска Восточно-Казахстанской области, исследованного в 1927 г. С. И. Руденко [Киселев, 1951: 299, табл. XXIX, 7] (рис. 6.-7). Однако бляхи-обоймы из этого погребения прорезные, имеют на лицевой поверхности, как в верхней, так и в нижней части, треугольные и трапециевидные прорезы. Также в этом наборе присутствует массивная прямоугольная обойма с прямоугольными вырезами по центру лицевой и задней плоскостей, несколько иной формы наконечник ремня. В то же время хвостовая часть наконечника имеет такие же фигурные очертания, как и сами фигурные Х-образные бляхи-обоймы этого пояса.

В 2022 г. два пояса разной ширины с непрорезными X-образными бляхами-обоймами с фигурным контуром и узким перекрестием были обнаружены в раннескифском элитном захоронении — могиле 9 кургана Чинге-Тей I (авторы раскопок и публикации описывают обнаруженные бляхи-обоймы как одинаково декорированные «ступенчатыми вырезами с двух сторон» [Чугунов, Сутягина, 2022: 17]). Бляхи-обоймы обоих поясов изготовлены из золота. В широком поясе было 18 блях-обойм (половина из них — с петлей на лицевой стороне) и наконечник, в более узком поясе — 16 блях-обойм [Чугунов, Сутягина, 2022: 17; 18, рис. 6].

Поясные бляхи-обоймы из погребения кургана 3 могильника Объект № 6, из погребения между селами Вавилонка и Заречное, из погребений кургана у села Пьяный Яр, кургана 5 могильника Талды-II и кургана 1 могильника Кара-Чоога 3, захоронения в могиле 9 кургана Чинге-Тей I во многом отличаются от блях-обойм остальных поясных наборов, выявленных в разные годы на территории Сарыарки и прилегающих к ней регионов.

Из курганов 1 и 3 могильника Нурманмет IV на р. Шидерты происходят пояса из массивных прямоугольных цельнометаллических блях-обойм с петлями на тыльной стороне [Кадырбаев, 1966: 346, рис. 39, 1–2].

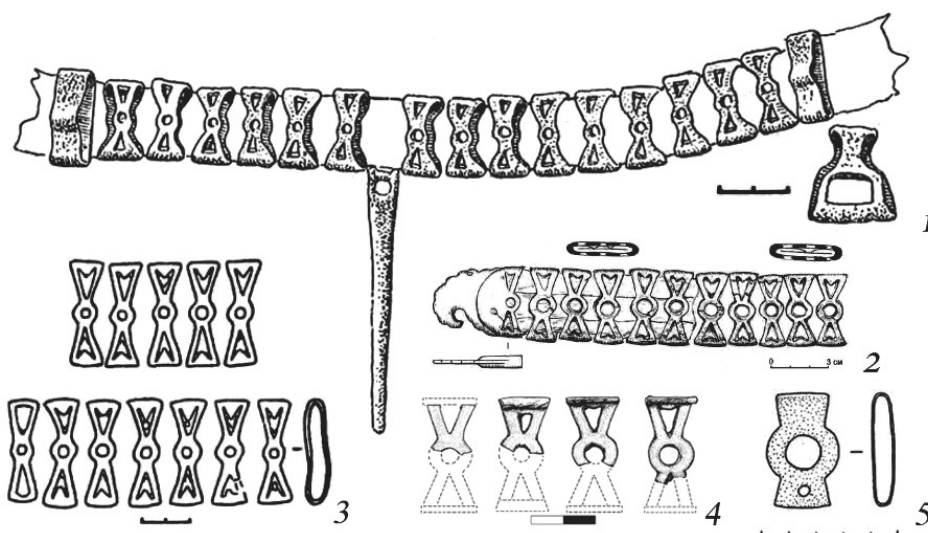

Рис. 7. Прорезные бляхи-обоймы и накладки с классическим X-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием: 1 — курган 1 могильника Тасмола II [Кадырбаев, 1966: 346, рис. 39.-3]; 2 — фрагмент пояса из могилы 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I [Чугунов, 2016: 343, рис. 168.-9]; 3 — курган 2 могильника Алыпкаш [Хабдулина, 1994: 106, табл. 20, 9]; 4 — погребение № 2 в кургане № 4а могильника Аксуат-I [Кари́ев, Оралбай, 2013: 51, рис. 1; 52, рис. 2]; 5 — курган № 8 могильника Байке-2 [Бейсенов, 2017: 75, рис. 14.-10]

Fig. 7. Slotted clip-plates and overlays with a classic X-shaped outline and an expanded annular crosshair: 1 — mound 1 of the Tasmol II burial ground [Kdyrbaev, 1966: 346, fig. 39.-3]; 2 — a fragment of a belt from grave 3 of the Chinge-Tei I funerary complex [Chugunov, 2016: 343, fig. 168.-9]; 3 — mound 2 of the Alypkash burial ground [Khabdulina, 1994: 106, pl. 20, 9]; 4 — burial No. 2 in mound No. 4a of the Aksuat-I burial ground [Kariyev, Oralbay, 2013: 51, fig. 1; 52, fig. 2]; 5 — mound No. 8 of the Baike-2 burial ground [Beisenov, 2017: 75, fig. 14.-10]

Основу поясного набора из кургана № 1 могильника Тасмола-II составляют прорезные бляхи-обоймы с классическим ровным Х-образным контуром и расширенной кольцевидной центральной частью — перекрестием [Кадырбаев, 1966: 346, рис. 39, 3] (рис. 7.-1). Практически идентичны тасмолинским бляхи-обоймы из кургана 2 могильника Алыпкаш [Хабдулина, 1994: 106, таблица 20, 9] (рис. 7.-3). Отличие заключается в форме прорезей: у первых прорези треугольной формы, у вторых — стреловидной. Однако в алыпкашском наборе выделяется одна прорезная бляха-обойма: она чуть короче и уже остальных, прорези в ней треугольной формы, что делает ее прямой аналогией тасмолинским Х-образным бляхами-обоймами. Практически аналогичны именно алыпкашским бляхи-обоймы пояса из могилы 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I в Туве [Чугунов, 2016: 343, рис. 168, 9] (рис. 7.-2). Им близки и прорезные Х-образные накладки из погребения № 2 в кургане № 4а могильника Аксуат-I, также имеющие перекрестие в форме широкого кольца [Кариев, Оралбай, 2013: 51, рис. 1; 52, рис. 2] (рис. 7.-4).

В виде замочной скважины выполнена частично прорезная бляха-обойма из кургана № 8 могильника Байке-2 [Бейсенов, 2017: 75, рис. 14, 10] (рис. 7.-5). По общей форме эта бляха-обойма ближе к вышеописанным прорезным бляхам-обоймам с классическим Х-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием или является частным вариантом таких блях-обойм.

От непрорезных и прорезных Х-образных поясных обойм отличаются бляхи-обоймы поясного набора из погребения тасмолинской культуры на р. Атасу [Бейсенов, Дуйсенбай, 2017: 21, илл. 3, 3–5] из кургана 3 могильника Мыржик-6 [Бейсенов, 2017: гл. III, фото 2, 13], которые иные не только по своей общей форме (плоский подпрямоугольный щиток с волнистым оформлением продольных краев), но и имеют разное оформление лицевой и тыльной сторон, а также подпрямоугольную форму вертикального сечения обойм, что в совокупности предполагает наличие и иной технологической схемы их изготовления.

Особняком стоит поясной набор из тасмолинского погребения могильника Тегисжол [Варфоломеев, 2011: 320, рис. 3], в оформлении части блях-обойм которого уже просматривается применение элементов звериного стиля, что выводит этот пояс за пределы типа I по классификации В. Н. Добжанского, к которому им отнесены, в том числе, поясные обоймы с Х-образными бляхами-обоймами.

Таким образом, поясные бляхи-обоймы из погребений кургана 3 могильника Объект № 6, из погребения между селами Вавилонка и Заречное, погребений кургана у села Пьяный Яр, кургана 5 могильника Талды-II и кургана 1 могильника Кара-Чоога 3, и захоронения в могиле 9 кургана Чинге-Тей I дают нам серию из 7-и поясных наборов, практически морфологически и технологически идентичных либо близких, реализованных в разных по ценности и престижности материалах (бронза, серебро, золото).

Материалы кургана 1 могильника Тасмола-II, кургана 2 могильника Алыпкаш, кургана № 8 могильника Байке-2, погребения № 2 в кургане № 4а могильника Аксуат-I, из могилы 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I также демонстрируют серию в высокой степени идентичных наборов прорезных блях-обойм с классическим Х-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием.

При наличии блях-обойм поясных наборов двух разных серий с характерными дифференцирующими отличительными признаками отпадает необходимость в объединении их в одну группу X-образных поясных обойм [Боталов, Таиров, 1996: 131; Кариев, Оралбай, 2013; Бейсенов, 2014: 136]. Считаем, что назрела необходимость в постановке вопроса о выделении двух самостоятельных групп поясов с бляхами-обоймами, которые ранее в условиях ограниченного круга источников объединяли в одну группу поясов с X-образными бляхами-обоймами:

- 1) пояса с непрорезными и прорезными X-образными бляхами-обоймами с фигурным контуром и узким перекрестием, с петлями и без петель (курган 3 могильника Объект № 6, курган у села Пьяный Яр, погребение между селами Вавилонка и Заречное, курган 5 могильника Талды-II, курган 1 могильника Кара-Чоога 3, могила 9 кургана Чинге-Тей I);
- 2) пояса с прорезными бляхами-обоймами с классическим X-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием (курган 1 могильника Тасмола II, курган 2 могильника Алыпкаш, курган № 8 могильника Байке-2, погребение № 2 в кургане № 4а могильника Аксуат-I, могила 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I). Бляхи-обоймы из погребения между селами Вавилонка и Заречное на р. Уде можно также рассматривать как синкретичный вариант блях-обойм, сочетающий основные признаки сплошных X-образных блях-обойм с фигурным контуром и узким перекрестием и один из признаков блях-обойм с классическим X-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием. Несколько особняком стоит и бляха из кургана № 8 могильника Байке-2.

Четыре из семи рассматриваемых поясных наборов с фигурными X-образными бляхами-обоймами (из погребения в кургане 3 могильника Объект № 6, погребения между селами Вавилонка и Заречное, погребений в кургане у села Пьяный Яр, кургане 5 могильника Талды-II) происходят с территории Казахстана, а именно, с территории Восточно-Казахстанской области и тяготеющей к ней территории Каркаралинского района Карагандинской области. Следовательно, территория охватывает регион Восточного Казахстана. Остальные три поясных набора этого типа обнаружены в памятниках Тувы (курган 1 могильника Кара-Чоога 3, могила 9 кургана Чинге-Тей I). Бляхи-обоймы из кургана 1 могильника Кара-Чоога 3 выявлены в Туве. На данный момент мы видим бытование в определенный период в Восточном Казахстане и Туве особого стиля в оформлении раннесакских наборных поясов — украшения их непрорезными и прорезными X-образными бляхами-обоймами с фигурным контуром, определенной моды или стандарта, так как пояса с обоймами одного и того же вида были распространены среди представителей разных страт (судя по материалам изготовления и качеству остального сопроводительного инвентаря в погребениях). Об этом, возможно, свидетельствует и определенная вариабельность форм блях-обойм внутри типа.

Если останавливаться на своеобразии поясного набора из восточного погребения кургана 3 могильника Объект № 6, то бросается в глаза отличие его блях-обойм от основной массы остальных X-образных блях-обойм своими более горизонтальными пропорциями. Их ширина заметно больше их высоты. В то время как для остальных X-образных изделий характерна вертикальность пропорций (могильник Талды-II,

курган 1 могильника Кара-Чоога 3) или уравновешенность (погребение у с. Пьяный Яр). Возможно, по этому показателю обоймы из восточного погребения кургана 3 могильника Объект № 6 схожи с обоймами узкого пояса из могилы 9 кургана Чинге-Тей I. Но об этом можно будет уверенно судить только после подробной публикации материалов погребения в могиле 9 кургана Чинге-Тей I.

Довольно близкие аналогии пряжкам публикуемого поясного набора из восточного погребения в кургане 3 могильника Объект № 6 прослеживаются в золотых пряжках от ремня горита из основного погребения (скелет 1) в могиле 5 кургана Аржан-2 [Чугунов и др., 2017: 368, табл. 30, 5–7; 389, таблица 51, 4] (рис. 6.-3). Аналогии прослеживаются в общей композиции элементов пряжек: центральное декоративное овальное отверстие, расположенные в верхней части отверстие и перемычка для крепления ремня с аналогичными же выступами по краям перемычки, расположение в нижней части декоративного элемента в виде клюва грифона и асимметричное расположение отверстия в нижней части пряжки, сформированное изгибом клюва грифона. Отличия заключаются в материале изготовления (пряжка из кургана Аржан-2 выполнена из золота), отверстие и перемычка для крепления ремня у аржанской пряжки (функциональная часть пряжки) выполнены в виде слегка обособленной от декоративной ее части планки, отверстие для крепления ремня в ней имеет прямоугольную, а не овальную форму, декоративное центральное отверстие выражено сильнее также у аржанской пряжки. В оформлении пряжки из Аржана-2 использованы образы двух грифонов, соответственно, два, а не одно отверстия, сформированные изгибами клювов грифонов. На наш взгляд, отличия носят частный характер, в то время как общая форма, композиция, стиль украшения и функциональное назначение публикуемых пряжек и пряжек от ремня горита очень близки и позволяют их отнести к вариантам одного типа.

Близкое сходство прослеживается с пряжкой из могилы 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I в Туве [Чугунов, 2016: 343, рис. 168, 7] (рис. 6.-2). Однако здесь клюв грифона формирует не отверстие, а крюк в нижней части пряжки, слабо проработаны центральное отверстие, отверстие и перемычка для крепления ремня.

В. Н. Добжанский, как выше было упомянуто, пояса с бляхами-обоймами типа I датировал VII–VI вв. до н. э., допуская бытование их и в V в. до н. э. [Добжанский, 1990: 21]. Авторы публикации поясного набора из кургана у с. Пьяный Яр датировали его концом скифской — началом гунно-сарматской эпохи, которые соотносили с рубежом эр [Алехин и др., 1992: 128]. А. Д. Таиров справедливо выступил с критикой такой ранней даты и отвел поясам с X-образными обоймами короткий период существования (до полувека) [Таиров, 2004: 143]. Исследователь считает, что пояса с фигурными X-образными обоймами появляются во второй половине VI в. до н. э. и бытуют до начала V в. до н. э. включительно, заканчивая тем самым традицию поясов с бляхами-обоймами [Таиров, 2004: 144]. По мнению К. В. Чугунова, верхний рубеж существования прорезных и непрорезных блях — середина VI в. до н. э.

Курган 1 могильника Кара-Чоога 3 его исследователями отнесен к алды-бельской культуре конца VIII–VII в. до н. э. [Килуновская и др., 2015: 194, 203]. Радиоуглеродная дата кургана 5 могильника Талды-II дает широкий хронологический диапазон — 800–540 BC [Бейсенов, 2018а: 388, табл. 1]. А. З. Бейсенов относит время его бытова-

ния к верхней части этого диапазона — VII–VI вв. до н. э. [Бейсенов, 2018а: 390–391]. К. В. Чугунов склонен датировать курган 5 могильника Талды-II концом VII — началом VI в. до н. э. [Чугунов, 2011: 75]. Захоронение в могиле 9 кургана Чинге-Тей I предложено датировать ближе к середине VI в. до н. э. [Чугунов, Сутягина, 2022: 22].

Погребение 5 кургана Аржан-2, откуда происходят близкие аналогии пряжкам с грифонами из восточного погребения в кургане 3 могильника Объект №6, по данным радиоуглеродного анализа относится к середине –концу VII в. до н. э. [Зайцева и др., 2017: 179]. Дендрохронологическое исследование сужает дату возведения погребальной камеры до конца VII в. до н. э. [Хойснер, Слюсаренко, 2017: 185]. Погребение в могиле 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I К. В. Чугуновым датируется началом VI в. до н. э., временем позже бытования Аржана-2 [Чугунов, 2016: 342].

Заключение

Наше исследование позволило выделить две разные серии блях-обойм поясных наборов и их характерные дифференцирующие признаки, а также поставить вопрос о выделении двух самостоятельных групп поясов с бляхами-обоймами: 1) пояса с непрорезными и прорезными X-образными бляхами-обоймами с фигурным контуром и узким перекрестием, с петлями и без петель; 2) пояса с прорезными бляхами-обоймами с классическим X-образным контуром и расширенным кольцевидным перекрестием.

Исходя из вышеизложенного датировки кургана 5 могильника Талды-2 и погребения 5 кургана Аржан-2, откуда происходят хорошо сохранившиеся и надежно документированные непрорезные X-образные бляхи-обоймы с фигурным контуром и узким перекрестием (курган 5 могильника Талды-2) и близкие аналогии пряжкам для подвешивания предметов вооружения из восточного погребения в кургане 3 могильника Объект №6 (погребение 5 кургана Аржан-2), позволяют датировать время бытования непрорезных X-образных блях-обойм с фигурным контуром и узким перекрестием в целом, а также само восточное погребение в кургане 3 могильника Объект №6, довольно узким хронологическим периодом VII–VI вв. до н. э. Нельзя исключать и более узкую дату — конец VII — начало / середина VI в. до н. э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алехин Ю. П., Демин М. А., Илюшин А. М. Исследования 1989 г. в Семипалатинской области // Маргулановские чтения. 1990 : сб. материалов конференции. Ч. I. М., 1992. С. 124–128.

Бейсенов А. З. Древние сокровища Сарыарки. Книга-альбом. На каз., русск., англ. языках. Алматы : Институт археологии, 2014. 196 с.

Бейсенов А. З. Тасмолинская культура Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху. Алматы : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. С. 59–100.

Бейсенов А. З. Элитные курганы тасмолинской культуры Центрального Казахстана // Золото властелинов казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан. Астана ; Сеул, 2018. С. 68–99.

Бейсенов А. З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археологія і давня історія України. 2018а. Вип. 2 (27). С. 386–396.

Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б. Воинское погребение тасмолинской культуры на реке Атасу // История и культура народов Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) : материалы Международной научно-практической конференции (Горно-Алтайск, 22–24 мая 2017 г.). Горно-Алтайск, 2017. С. 18–25.

Боталов С. Г., Таиров А. Д. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды Музея-заповедника Аркаим. Челябинск : Каменный пояс, 1996. С. 117–138.

Варфоломеев В. В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 315–324.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : НГУ, 1990. 164 с.

Зайцева Ж., Чугунов К., Парцингер Г., Наглер А., Дергачев, В., Скотт М., Семенцов А., Васильев С., ван Геель Б., ван дер Плихт И., Лебедев Л. Хронологические исследования материалов памятника Аржан-2 // Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 172–179.

Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. С. 303–433.

Кариев Е. М., Оралбай Е. К. Х-образные поясные накладки из Восточного Казахстана // Известия НАН РК 3 (289). Алматы, 2013. С. 50–60.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1951. 643 с.

Килуновская М. Е., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов В. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Ээрбек в 2014 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. 2015. № 5. С. 193–224.

Таиров А. Д. Раннесакские боевые пояса // Российская археология. 2004. № 1. С. 140–145.

Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Ракурс, 1994. 170 с.

Хойснер К.-У., Слюсаренко И. Дендрохронологические исследования // Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 181–185.

Чугунов К. В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тывы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докладов круглого стола, посвященного 20-летию независимости Республики Казахстан. Караганды, 2011. С. 69–77.

Чугунов К. В. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 336–356.

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Чугунов К. В., Сутягина Н. А. Элитное захоронение раннескифского времени в кургане Чинге-Тей I: предварительная публикация и перспективы исследований // Camera praehistorica. 2022. № 2 (9). С. 8–25.

REFERENCES

Alekhin Iu. P., Demin M. A., Iliushin A. M. Issledovaniia 1989 g. v Semipalatinskoi oblasti [Research in 1989 in Semipalatinsk region]. *Margulanovskie chteniia. 1990: sb. mater konferentsii* [Margulan readings. 1990: Sat. mater of the conference]. Moscow, 1992. P. 1. P. 124–128 (in Russian).

Beisenov A. Z. *Drevnie sokrovishcha Saryarki. Kniga-al'bom* [Ancient treasures of Saryarka. Book-album]. Almaty: Institut arkheologii, 2014. 196 p. (in Russian).

Beisenov A. Z. Elitnye kurgany tasmolinskoi kul'tury Tsentral'nogo Kazakhstana [Elite burial mounds of the Tasmolin culture of Central Kazakhstan]. *Zoloto vlastelinov kazakhskikh stepei. Sovmestnyi katalog Respubliki Koreia i Respubliki Kazakhstan* [Gold of the rulers of the Kazakh steppes. Joint catalog of the Republic of Korea and the Republic of Kazakhstan]. Astana; Seoul, 2018. S. 68–99 (in Russian).

Beisenov A. Z. Tasmolinskaia kul'tura Saryarki [Tasmolinian culture of Saryarka]. *Kazakhstan v saksuiu epokhu* [Kazakhstan in the Saka era]. Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, 2017. P. 59–100 (in Russian).

Beysenov A. Z. Tasmolinskaya kultura Tsentral'nogo Kazakhstana v issledovaniyakh nachala XXI veka [Tasmolin culture of Central Kazakhstan in the studies of the beginning of the XXI century]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni* [Archeology and ancient history of Ukraine]. 2018a. Vol. 2 (27). P. 386–396 (in Russian).

Beisenov A. Z., Duisenbai D. B. Voinskoe pogrebenie tasmolinskoi kul'tury na reke Atasu. *Istoriia i kul'tura narodov Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliia, Kitai): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (22–24 maia 2017 g.)* [History and culture of the peoples of Western Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China): materials of the international scientific and practical conference (May 22–24, 2017)]. Gorno-Altaysk, 2017. P. 18–25 (in Russian).

Botalov S. G., Tairov A. D. Pamiatniki rannego zheleznogo veka v okrestnostiakh sela Varna [Monuments of the Early Iron Age in the vicinity of the village of Varna]. *Mat. Po arkheologii i etnografii Iuzhnogo Urala. Tr. Muzeia-zapovednika Arkaim* [Mat. On archeology and ethnography of the Southern Urals. Tr. of the Arkaim Museum-Reserve]. Cheliabinsk: Stone belt, 1996. P. 117–138 (in Russian).

Chugunov K. V., Sutiagina N. A. Elitnoe zakhronenie ranneskifskogo vremeni v kurgane Chinge-Tei: predvaritel'naya publikatsiya I perspektivy issledovaniia [An elite burial of the early Scythian period from the Chinge- Tey I kurgan: preliminary publication and research perspectives]. *Camera praehistorica* [Camera praehistorica]. 2022, no. 2 (9). P. 8–25 (in Russian).

Chugunov K. V. Sinkhronizatsiia arkheologicheskikh kul'tur rannesakskogo vremeni Kazakhstana i Tyvy [Synchronization of archaeological cultures of the Early Saka period of Kazakhstan and Tyva]. *Sakskaiia kul'tura Saryarki v kontekste izucheniia etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoi Evrazii: Tezisy dokladov Kruglogo stola, posviashchennogo 20-letiiu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan* [The Saka culture of Saryarka in the context of the study of ethnosociocultural processes of Steppe Eurasia: Abstracts of the Round table devoted to the 20th anniversary of independence of the Republic of Kazakhstan]. Karagandy. 2011. P. 69–77 (in Russian).

Chugunov K. V. *Paradnyye poyasa kochevnikov Azii v ranneskifskoye vremya* [Ceremonial belts of the nomads of Asia in the Early Scythian time] // *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey*. Novosibirsk: IAET SO RAN. 2016. P. 336–356 (in Russian).

Chugunov K. V., Partsinger G., Nagler A. *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [The Royal burial mound of the Scythian time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 2017. 500 s. (in Russian).

Dobzhanskii V. N. *Nabornye poiasa kochevnikov Azii* [Typesetting belts of Asian nomads]. Novosibirsk: NGU, 1990. 164 s. (in Russian).

Kadyrbaev M. K. *Pamiatniki tasmolinskoi kul'tury* [Monuments of Tasmolin culture]. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka, 1966. P. 303–433 (in Russian).

Kariev E. M., Oraltai E. K. *Kh-obraznye poiashnye nakladki iz Vostochnogo Kazakhstana* [X-shaped waist pads from East Kazakhstan]. *Izvestiia NAN RK 3 (289)* [Izvestiya NAS RK 3 (289)]. Almaty, 2013. P. 50–60 (in Russian).

Kilunovskaya M. E., Lazarevskaya N. A., Sadykov T. R., Semenov V. A. *Issledovaniya Tuvinskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK RAN v doline r. Eerbek v 2014 g.* [Research of the Tuvan archaeological expedition of the IIMC RAS in the valley of the river Eerbek in 2014]. *Byulleten Instituta istorii materialnoy kultury RAN* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. 2015. Vol. 5. P. 193–224 (in Russian).

Khabdulina M. K. *Stepnoye Priishimye v epokhu rannego zheleza* [Steppe Priishimye in the Early Iron Age]. Almaty: Rakurs. 1994. 170 p. (in Russian).

Khoisner K.-U., Sliusarenko I. *Dendrokronologicheskie issledovaniia* [Dendrochronological studies]. *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [The Royal burial mound of the Scythian time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 2017. P. 181–185 (in Russian).

Kiselev S. V. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri* [Ancient History of Southern Siberia]. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1951. 643 p. (in Russian)

Tairov A. D. *Rannesakskie boevye poiasa* [Early Saxon Battle Belts] // *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2004. no. 1. P. 140–145 (in Russian).

Varfolomeev V. V. *Tasmolinskoe pogrebenie s nabornym poisom iz mogil'nika Tegiszhol* [Tasmolin burial with a set belt from the Tegiszhol burial ground]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana* [Questions of archeology of Kazakhstan]. Almaty, 2011. Vol. 3. P. 315–324 (in Russian).

Zaitseva Zh., Chugunov K., Partsinger G., Nagler A., Dergachev, V., Skott M., Sementsov A., Vasil'ev S., van Geel» B., van der Plikht I., Lebedev L. *Khronologicheskie issledovaniia materialov pamiatnika Arzhan-2* [Chronological studies of the materials of the Arzhan-2 monument]. *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [The Royal burial mound of the Scythian time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 2017. P. 172–179 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 17.10.2022.

Принята к публикации 12.02.2022.

Дата публикации 03.04.2023.